

ло з діяльністю лихварів, кредиторів, скупників та продавців коштовностей. Негативна оцінка мінял сучасниками мала більш абстрактний моралізуючий характер і, мабуть, перебільшена: серед мінял було не більше шахраїв, ніж серед купців. Насамперед, міняли ніколи не займалися широкими банківськими операціями, але кількість помічників у них не була обмежена, як іноді вважають. Ці помічники були не найманими робітниками, а слугами-учнями або слугами-рабами. У ранньосередньовічній Візантії з її важливою роллю грошей та розвиненим міновим господарством попит на фах міняли міг зменшитися тільки у тих окраїнних районах, які поволі виходили з «номісма-зони» і втрачали зв'язок з Імперією.

Summary

In the article is considered the place of money — changers in a sector of services of Byzantium IV–IX centuries, their genetic connection with late roman system of bank business, problem of lexicon and nomenclature. Main difference of the trapezits from other categories the author sees, that only money — changers received for exchange legalized interest. However degree of their specialization should not be exaggerated. Money — changers have related to the most different spurious occupations connected to money and combined their craft with activity of the usurers, creditors, buyers, sellers of jewelry. A negative evaluation money — changers by the contemporaries carried morals character and probably is exaggerated: among them was no more swindlers, than among traders. Money — changers really never were engaged broad in banking operations, but the number of the assistants at them was not limited as sometimes suppose. These assistants were not the wage workers, but servants-apprentices or servants-slaves. In early middle Byzantium with its important role of money and developed barter economy the demand for a money — changers could fall only in those outlying districts, which gradually went out from «nomisma-zone» and lost contact with Empire.

Ю. А. Голубкин

ПОСЛЕ БУРИ

(Что предопределило позицию Лютера в 1526 – 1529 гг.?)

«Поздний» Лютер не был объектом специального исследования ни в историографии Российской империи, ни в советской историографии. Не проявили интереса к этой теме и историки в независимых государствах, возникших после распада Советского Союза. В работах же общего характера, опубликованных в годы советской власти, неизменно повторялась содержащаяся в труде Ф. Энгельса «Крестьянская война в Германии» односторонняя негативная оценка «позднего» реформатора,

который якобы отрекся «не только от крестьянского восстания, но и от бунта самого Лютера против духовной и светской власти... предал князьям не только народное, но и бюргерское движение» [1, с. 368].

Необоснованность тезиса о «предательстве» Лютера сейчас ни у кого не вызывает сомнений. Но столь же несомненно и то, что уже во время Крестьянской войны Лютер внес существенные коррективы в свое учение о всеобщем священстве, а затем — в период между Первым шпейерским рейхстагом (1526 г.) и Вторым шпейерским рейхстагом (1529 г.) в Германии обозначились контуры как новой позиции Лютера в Реформации, так и нового характера самой Реформации. В современной западной историографии эти изменения определяются терминами «конфессионализация», «суверенная Реформация», «территориальная Реформация» [2]. В советской историографии и историографии ГДР общепринятым был термин «княжеская Реформация». По мнению автора настоящей статьи, характер «поздней» Реформации можно наиболее адекватно отразить в следующем определении: Реформация, осуществлявшаяся «сверху» территориальной светской властью (земельными князьями и городскими магистратами). Результатом такого развития стала утвердившаяся в ряде германских земель и вплоть до 1918 г. возглавлявшаяся князьями Евангелическо-Лютеранская Церковь. Ее основателем по праву считается Лютер.

Но сам он никогда не претендовал на такую роль. И даже тогда, когда новая Церковь была фактически основана и когда ее адепты стали называть себя лютеранами, реформатор неустанно повторял, что единственным Главой Церкви является Христос и что она должна всегда оставаться Церковью, носящей имя своего Главы. Со времени выступления с «95 тезисами» и до последних дней своей жизни Лютер стремился к тому, чтобы очистить христианскую Церковь от укоренившихся в ней на протяжении столетий «человеческих измышлений» и злоупотреблений и привести ее в соответствие со словом Божиим. Конечные итоги Реформации ни в коей мере не соответствовали идеалам и первоначальным замыслам реформатора. В письме к дрезденскому суперинтенденту Даниэлю Гресеру от 22 октября 1543 г. Лютер писал: «Дьявол всегда остается дьяволом. При папстве он сочленял Церковь с государством, в наше время добивается он сочленения государства с Церковью... Но мы стремимся с помощью Божией противиться этому» [3, с. 436].

Душа Лютера была устремлена к вечному Небесному Царству Божьему. Но как преобразователь земной Церкви он, не упуская из виду непреходящие ценности (т. е. то достояние Церкви, которое надлежит сохранять неизменным и ни в каких обстоятельствах не подвергать ревизии), ставил и пытался решать реально осуществимые в тех или иных исторических условиях задачи, придерживался наиболее эффективной в той или иной ситуации тактики, проявлял способность, откли-

каясь на «вызовы» времени, быстро изменять ее. Позиция Лютера после потрясшей Германию бури Крестьянской войны определялась им на основе анализа как итогов Реформации, так и внутривосточной ситуации и ряда внешнеполитических обстоятельств. Рассмотрим эти, лежавшие в основе лютеровского анализа, факторы.

В 1517–1524 гг. Лютер нанес ряд сокрушительных ударов по всем устоям Римско-Католической Церкви: ее вероучению, культу и институтам. Лютеровский принцип «*sola fide*» («только верой») сделал очевидным несостоятельность учения средневекового католицизма о прощении грехов и обретении христианином Царства Небесного посредством «добрых дел». Отстаивавшееся реформатором положение «*sola gratia*» («только милостью Божией») развеяло традиционное представление западного христианства о Боге как о грозном Судии, неумолимо карающем людей за первородный грех Адама и Евы и последующие прегрешения. Выдвинутый Лютером тезис «*sola scriptura*» («только Священное Писание») поколебал незыблемость предписаний священного предания. Опираясь на Священное Писание как на единственный источник Божественного откровения, Лютер отверг каноническое право, учение Римско-Католической Церкви о чистилище, культ святых, иконопочитание, распространение индульгенций, паломничества, так называемые «юбилейные» годы. Из семи Таинств реформатор признал соответствующими Священному Писанию только два — Крещение и Причастие. Лютеровское учение о всеобщем священстве подорвало авторитет папства, римской курии, епископата, да и всех служителей и институтов Римско-Католической Церкви. Началось повальное бегство монахов и монахинь из монастырей, перестали отправляться бесчисленные «жертвенные» мессы. Во многих местах стали спорадически возникать евангелические общины. Принципы, которые, по мнению реформатора, нужно было положить в их основу, он изложил в 1523 г. в сочинениях: «О том, что христианское собрание или община обладают правом и властью судить обо всех учениях, назначать и смещать проповедников», «О порядке богослужения в общине», «Порядок общей кассы. Предложение, как следует распорядиться духовными имуществами». Правда, вопросу об институциональном устройстве национальной евангелической организации Лютер не уделял внимания. Он считал, что ее структура вырастет в ходе становления и развития общин, т. е. путем Реформации, осуществляемой «снизу».

Вместе с тем еще до Крестьянской войны Лютеру пришлось столкнуться как с превратным истолкованием своего учения, так и с совершенно непредвиденными последствиями осуществлявшихся реформ. А когда разразилась буря Крестьянской войны, провозглашенные Лютером идеи приобрели совершенно новое, противоположное их первоначальному смыслу звучание. Выстраданное реформатором учение об оправдании верой было использовано идеологами восставших для

обоснования требования о ликвидации крепостничества; его лозунг о свободе личности в духовной сфере был распространен на все области общественных отношений; ссылками на переведенную им Библию обосновывалось категорически отрицавшееся им еще в юношеские годы право народа на активное сопротивление светским властям. В Крестьянской войне Лютер увидел реальную угрозу не только для осуществления своей программы Реформации, а и для всего общественного порядка. Это побудило его отказаться от идеи невмешательства светской власти в религиозную жизнь общин, т. е. от основополагающего принципа его учений о всеобщем священстве и о двух царствах.

Светская власть подавила революционное движение. Крестьянские общины понесли невосполнимые утраты. По свидетельству очевидцев, число крестьян, погибших в ходе Крестьянской войны и преданных казни после ее поражения, колебалось от 50 до 150 тыс. Современные историки считают, что потери крестьян составляли 70–75 тыс. человек [4, с. 77]. Часть бывших приверженцев Лютера примкнула к сектантам, прежде всего — к анабаптистам. У многих энтузиазм первых лет Реформации сменился разочарованием и безразличием. Лютер вспоминал, что визитаторам, которые с укоризной спрашивали крестьян, почему они не хотят содержать своих пасторов, в то время как не возражают против того, чтобы содержать пастухов, они ответили: «Ну, еще бы, пастухи-то нам нужны!» [5]. Религиозная жизнь многих сельских и городских общин пришла в полное расстройство. Началось расхищение церковного и монастырского имущества. Это повлекло за собой крах прежней системы церковной благотворительности. Возникшие в ходе реформационного движения 1521–1524 гг. «общие кассы» не получили повсеместного распространения и не смогли стать надежными гарантами социальной защиты обездоленных. У последователей Лютера не было единого мнения о сущности и методах осуществления преобразований. В евангелическом богослужении, отправляемом в разных местах, проявлялись значительные различия. Евангелические пасторы часто толком не знали, что и как им проповедовать. Лишь немногие из них получили университетское теологическое образование. Их материальное положение было бедственным. Продолжалось угасание школ и университетов. Многие дела (управление секуляризованным церковным и монастырским имуществом, регулирование брачно-семейных отношений, организация новой системы судопроизводства) было невозможно решать на уровне общин. Итак, затеянная Лютером «перестройка» обернулась хаосом. В письме к Иоганну Брисману, написанном после 15 августа 1525 г., Лютер отмечал: «Мюнцер и крестьяне настолько подорвали значение Евангелия, а паписты настолько воспрянули духом, что, пожалуй, придется все создавать сначала» [6, с. 555]. Следовательно, после поражения Крестьянской войны Лютеру пришлось думать уже не столько о последовательном

продолжении начатых в прошлые годы преобразований, сколько о сохранении основ своего учения и о предотвращении полного краха религиозной жизни, образования, нравственных устоев. На какие же силы мог он опереться при решении этих задач после того, как «общинная» Реформация оказалась в тупике? Лютер не мог не осознавать того, что дальнейшая судьба инициированных им реформ после 1525 г. главным образом зависела от позиции императора Священной римской империи и земельных князей.

Император Карл V, как и в прежние годы, был всецело поглощен борьбой с Францией за господство в Италии. Но у германских приверженцев католицизма в начале 1526 г. появилась надежда, что в скором времени император наконец-то приступит к основательному урегулированию религиозного вопроса и добьется того, чтобы Вормский эдикт перестал быть ничем не значащей декларацией о намерениях. Противник Карла V, французский король Франциск I потерпел сокрушительное поражение в битве при Павии и вынужден был сдаться на милость победителя. 14 января 1526 г. в Мадриде был подписан договор, в соответствии с которым империя заключила с Францией союз для борьбы с турками и еретиками. Лютеру и его сторонникам оставалось уповать лишь на чудо. И оно свершилось. Папа Клемент VII освободил Франциска I от клятвы о сохранении мира, данной им императору. После этого Франциск I объявил Мадридское соглашение незаконным. 22 мая 1526 г. была образована Коньякская лига (Франция, Флоренция, Милан, Венеция, папа Римский). Своей целью она провозгласила изгнание с Апеннинского полуострова имперских войск. Возобновление Итальянских войн вновь отвлекло Карла V от решения внутригерманского религиозного конфликта. К тому же турецкий султан Сулейман I 29 августа 1526 г. разгромил венгерско-чешские войска при Мохаче.

Это внезапное и резкое обострение внешнеполитической ситуации, непостоянство во взаимоотношениях Карла V с папской курией, а также страх имперских чинов перед возможностью новых народных волнений, по сути, предопределили решение Первого шпейерского рейхстага 1526 г., касавшееся урегулирования внутригерманского религиозного конфликта. Оно сводилось к тому, что до созыва Церковного Собора каждому имперскому чину относительно предписаний Вормского рейхстага об искоренении Реформации дозволялось поступать так, чтобы впоследствии он смог ответить за это перед Богом и императором [7, с. 59]. Формально это решение представляло собой лишь отсрочку реализации Вормского эдикта. Фактически же оно означало, что имперская власть признала себя неспособной решить религиозный вопрос в общегерманском масштабе и сама вверила его решение территориальным светским властям. Вместе с тем Первый шпейерский рейхстаг констатировал явное ослабление влияния папского Рима в Германии. Ведь в решении рейхстага подчеркивалась ответственность имперских чинов

перед Богом и императором, но ни словом не упоминалось об их ответственности перед папой. Наконец, Первый шпейерский рейхстаг признал заметные успехи светских властей в подчинении себе Церкви в пределах своих земель.

Не следует забывать о том, что суверенное территориальное управление Церковью начало складываться в Германии задолго до Реформации. Под давлением Соборного движения конца XIV–XV вв. папский Рим, заинтересованный в поддержке со стороны светских властей, предоставлял им право участия в управлении церковным имуществом, в решении вопросов богослужения, смещения и назначения священнослужителей, церковного воспитания. Но если в результате таких уступок в централизованных государствах Западной Европы (Франции, Англии, Испании) возобладали национально-церковная тенденция, то в политически раздробленной Германии происходило постепенное становление суверенного церковного правления в пределах отдельных земель и свободных имперских городов. Концентрация власти над Церковью в руках немецких территориальных владык нашла отражение в поговорке: «*Dux Cliviae est papa in territorio suo*» («Герцог Клевский — папа в своей земле») [8, с. 257]. Правда, эта поговорка не совсем адекватно воплощала в себе сущность церковных полномочий светских правителей Германии до Реформации. Действительно, еще до Реформации в Германии в пределах отдельных территорий была достигнута определенная унификация политического и церковного управления: некоторые представители территориальной светской власти активно вмешивались в церковные дела и, конкурируя с епископами, брали в свои руки ряд функций управления Церковью. Но вместе с тем до Реформации земельные князья и магистраты имперских свободных городов Германии добились лишь своего участия в территориальных органах управления универсальной Римско-Католической Церкви, и только после Первого шпейерского рейхстага перед ними был открыт путь для самостоятельного управления Церковью в пределах своих территорий.

Итак, постановление Первого шпейерского рейхстага прозвучало как стартовый выстрел и для католических, и для евангелических имперских чинов. Католические князья стремились к тому, чтобы окончательно подчинить себе Церковь в пределах своих территорий. Еще в конце июня—начале июля 1524 г. брат императора Фердинанд Австрийский, баварские герцоги и южнонемецкие епископы договорились в Регенсбурге о совместных действиях, направленных на проведение в своих территориях Вормского эдикта и восстановление римско-католических церковных порядков. Правда, для подавления Крестьянской войны злейший враг Реформации герцог Георг Саксонский и ревностные приверженцы Лютера — новый курфюрст Саксонский Иоганн Постоянный и ландграф Филипп Гессенский — объединили свои силы. Но после разгрома крестьян евангелические князья отклонили предложение герцога

Георга о совместной борьбе с Реформацией [9, с. 254]. Регенсбургское соглашение было дополнено 19 июля 1525 г. договором в Дессау. Его подписали: герцог Георг Саксонский, архиепископ Альбрехт Майнцский, курфюрст Бранденбургский Иоахим I, князья Эрих и Генрих Брауншвейгские. Целью этого союза провозглашалось искоренение «лютеровской ереси» как источника мятежа [8, с. 295].

Евангелическое движение после Крестьянской войны открыто поддерживали лишь два князя: преемник умершего в мае 1525 г. курфюрста Саксонского Фридриха Мудрого Иоганн Постоянный и молодой, энергичный ландграф Филипп Гессенский. Опасаясь того, что католики попытаются воспрепятствовать преобразованиям на тех территориях, где распространялась Реформация, эти два князя заключили в феврале 1526 г. оборонительный союз в Готе. Поскольку подписанное ими соглашение было затем ратифицировано в Торгау, их объединение получило название «Торгауский союз». К нему в том же 1526 г. присоединились земельные князья Мекленбурга, Грубенхагена, Люнебурга, Мансфельда, Ангальта, а также город Магдебург. В союз с Саксонией вступил и Альбрехт Прусский — великий магистр Тевтонского Ордена, который по совету Лютера превратил духовный Орден в светское наследственное герцогство.

После образования названных выше объединений католических и евангелических территориальных владок возможность единого решения религиозного вопроса в масштабах всей Германии становилась совершенно нереальной. Необратимость конфессионального раскола Германии приобрела отчетливо различные очертания.

До окончания Крестьянской войны земельные князья были не единственной и не главной силой, которая двигала вперед обновление христианства. В идейной борьбе 1519–1521 гг. решающую роль играла немецкая интеллигенция, в реформационном движении 1521–1524 гг. движущей силой были демократические слои города, в Крестьянской войне 1524–1525 гг. — крестьянство. После Первого шпейерского рейхстага религия стала использоваться территориальной светской властью как важный инструмент утверждавшегося в Германии регионального княжеского абсолютизма. Выбор тем или иным князем его религиозной ориентации в значительной мере определялся теми политическими преимуществами, которые он мог получить в своем соперничестве с другими территориальными правителями и во взаимоотношениях с имперскими властями. Верность католицизму сохранило подавляющее большинство немецких территориальных правителей. На Втором шпейерском рейхстаге (1529 г.) свою приверженность идеям Лютера признали лишь 19 из 400 имперских чинов [10, с. 340]. Но, несмотря на это, они представляли собой единственную влиятельную политическую силу, на которую мог опереться Лютер.

Евангелические земельные правители и магистраты свободных имперских городов увидели в решениях Первого шпейерского рейхстага

правовую основу для переориентации реформационного движения в институционные рамки и создания территориальной евангелической Церкви. Разумеется, для осуществления этой сложнейшей задачи территориальная светская власть нуждалась в помощи со стороны теологов-реформаторов и прежде всего — Лютера. А ему, уже сделавшему свой выбор в годы Крестьянской войны, после ее поражения, когда обескровленные евангелические общины не были в состоянии преодолеть катастрофический упадок религиозной жизни, не оставалось ничего иного, как сделать следующий шаг и приступить к модификации и в определенной мере систематизации своего учения, к созданию новой обрядности и новой евангелической организации.

Литература

1. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. — Т. 7.
2. Kluebing H. Das konfessionelle Zeitalter 1525–1648. — Stuttgart, 1989.
3. WA Br. — Bd. 10.
4. Klein T. Die Folgen des Bauernkrieges von 1525 // Hessische Jahrbuch für Landesgeschichte — 1975. — 25
5. TR. — Bd. 4. — Nr. 4002.
6. WA Br. — Bd. 3.
7. Müller G. Die römische Kurie und die Reformation 1523–1534. — Gütersloh, 1969.
8. Heussi K. Kompendium der Kirchengeschichte. — Tübingen, 1991.
9. Akten und Briefen zur Kirchenpolitik Herzog Georgs von Sachsen / Hrsg. von Felician Geß. — Leipzig, 1907. — Bd. 2.
10. Schmidt K. D. Grundriß der Kirchengeschichte. — Göttingen, 1990.

Резюме

З 1526 р. розпочалася організація лютеранської земельної Церкви. Ці реформи здійснювали земельні князі, яких Лютер наділив правом збереження церковного порядку. Так Реформація завершила те, шлях до чого вже був прокладений у попередньому столітті: встановлення влади земельних князів над Церквою.

Zusammenfassung

In den Jahren seit 1526 begann man mit der Organisation Lutherischer Landeskirchen. Diese Reformen wurden von den Landesherren unternommen, denen Luther die Pflicht zuschrieb, die Ordnung in der Kirche aufrechtzuerhalten. Damit vollendete die Reformation, was schon das vorhergehende Jahrhundert angebahnt hatte: die landesherrliche Kirchengewalt.